

Маниту

Мама и папа назвали его Вольфрамом. Родительская причуда. Но на судне его звали Вольф — коротко и удобно. Высокий и широкоплечий, с широким открытым лицом и ясными глазами, Вольф был очень простой человек. А простота, как известно... Почти каждое утро за завтраком экипаж слушал новые похождения из жизни Вольфа. Это был своего рода Швейк, только местных масштабов. Он мог легко завалиться в каюту к повару в два часа ночи и поинтересоваться, не осталось ли котлет с ужи-на. Или как накануне своего дня рождения он пошел к капитану и попросил ящик водки. Старый Матвейч, услышав такую просьбу, опешил:

— Что?!

— Ящик "Смирновки". Да не волнуйтесь, я заплачу. Для мужиков, чтобы расслабились.

— А это ты видел?! — капитанский палец уперся в табличку на стене, последние слова второй были выделены красным шрифтом: "никакого алкоголя!".

— Понятно, — широко улыбнулся Вольфрам, — но ведь и вы сами себе вечером просите бутерброды под "Смирновочку"...

— Вон! — заорал Матвейч. — Придурок!

— И чего он вызверился? — недоумевал потом именованный.

Его скуластое, готовое ежесекундно расплыться в улыбке лицо больше всего напоминало морду дворового пса. И характер был подстать. Из самой глубокой депрессии Вольфа легко можно было вывести, сказав:

— Слушай, чего грустишь? Сегодня котлеты на ужин.

— Правда? — по лицу Вольфа уже ползла улыбка. — Люблю я их.

Или хлопнуть парня по плечу:

— Не грусти, расскажи что-то.

— А что?

— Как ты тещу послал.

— Та чего там... Вошла не постучавшись, а я с женой лежал. Я ей как рывкну: "Пошла!". Она пулей из комнаты, ведро с водой сбила, упала, ногу подвернула.

Некоторое время ничего нельзя разобрать из-за хохота, грохнувшего в столовой. Лишь изредка ухо ухватывает отдельные фразы:

— Правильно, соблюдай приличия!

— Так ее, Вольф, тещам спуску давать нельзя!

— А я чего, — Вольф оглядывается, довольный произведенным эффектом, — я ее учу.

После того как Вольф опростоволосился со своим днем рождения, все думали, что его спишут, — с алкоголем на судне было строго.

— Пропал Вольф, — вздыхали на палубе, — поедет в Греции за свой счет.

И только старпом Петрович почесал лысину и изрек:

— Нет, не спишут. Маниту любит слабый ум.

— Вы это серьезно? — недоверчиво спросил Валера, третий помощник.

— Вполне. Я таких людей повидал, поверь мне. Им везет.

И действительно, домой Вольф не поехал. Хотя вмешательство высших сил здесь было ни при чем: Вольфа отстоял Петрович. Буфетчик, убирая в коридоре, слышал весь разговор:

— Да он один за день делает, как три танкиста, — убеждал Петрович капитана.

— Да, ведь он, дурак, что учудил! Еще проболтается!

— Не проболтается. Зато работник какой! А пришлют дармоеда — что с него толку, что он трезвенник?

Действительно, привыкнув гнуть спину у себя в деревне под Винницей, Вольф с удовольствием вкладывал свою недожую силу в судно, отбивая за день десятки квадратных метров ржавчины.

— Ладно, — наконец согласился Матвейч, — если он такой золотой работник, простим. Но еще один залет — и поедет домой, так и передай ему. Кстати, в Пирее придет хозяин, так что передай всем: в рот ни капли. Ну, по этому поводу я еще собрание проведу.

Собрание состоялось в тот же день. Там всем подробно объяснили, чем мугут кончиться шутки с алкоголем. Как всегда, все всё поняли.

На следующий день был Пирей. И в первый же вечер вне себя от радости, оттого что его не спишут, Вольфрам побегал в город отметить удачу. Распив с мотористами Киселем и Васей Кировым две бутылки на троих, Вольф вернулся на судно стоять вахту. До четырех он кое-как отстоял — и тут же, прямо у трапа, выпил с Валерой-электриком еще одну бутылку. После этого они еще побродили по пароходу, причем Вольф где-то упал в солярку и вымазал лицо. Затем Валера пошел спать к себе, а Вольф остался в курилке возле трапа. Он свалился на грязный матрас, предназначенный для лодочников в Суэце, и уснул.

В данной ситуации проявился гнилой характер нашего экипажа. Во всей красе. Никто из вахтенных матросов не отвел Вольфа в каюту,

не прикрыл дверь курилки, чтобы спрятать пьяного матроса от посторонних глаз. Полагаю, что они ходили и посмеивались, прикидывая, какое наказание ожидает его с утра.

Утром пришел хозяин. Маленький толстый мистер Халкис гордился собой. Еще бы: три года назад он еще был капитаном одной из греческих компаний, а сейчас он — сам владелец судоходной компании. Пускай у него всего три маленьких судна, но посмотрим, что будет еще через три года, посмотрим. Мистер Халкис гордился собой, гордился своей компанией, гордился своими судами.

В семь сорок пять его черный "мерседес" остановился у борта судна. Вахтенный позвал помощника, помощник позвал капитана, и когда мистер Халкис поднялся, на трапе его уже встречал заспанный Матвейч.

— Как дела, мистер Халкис?

— Хорошо, спасибо.

Мистер Халкис быстро окинул взглядом судно и довольно улыбнулся: весь левый борт от надстройки до бака был свежеевыкрашен красно-коричневой краской. За судном следили. Хозяин прошел на корму. Здесь тоже был порядок и чистота. Не переставая улыбаться, мистер Халкис пошел к надстройке, и здесь взгляд его натолкнулся на открытую дверь курилки. А в курилке...

— Что это? — спросил мистер Халкис, показывая на спящего Вольфрама.

Если бы Вольф лежал в штанах и рубашке, истина быстро бы открылась: пошел в увольнение и напился. Но матрос был одет в комбинезон, и это позволяло толковать ситуацию двояко.

У Матвейча на лбу выступил пот. Он пошевелил губами, пытаясь выдавить из себя звук, но так и не смог. Мистер Халкис еще раз удивленно посмотрел на капитана: он все еще не понимал. И тогда капитан понял: надо говорить. Неважно что, главное смело и твердо.

— Это матрос... — первые слова Матвейч пролепетал, но по мере разговора все более обретал присутствие духа, — Бизонов. У нас... у нас прорвало гидравлику на третьем трюме, я вам писал, и матрос Бизонов целые сутки, даже больше, убирал масло и делал заплату. А потом он так устал, что не дошел до каюты и уснул здесь.

Мистер Халкис присмотрелся внимательней. Лицо у Вольфа было чернее сажи, губы спящего сонно чмокали, из угла рта текла слюна. Рядом валялось масляное тряпье. Мистер Халкис вздохнул. Мысль о том, что простой украинский матрос не щадя сил убирал масло, защищая интере-

сы своего хозяина, умилила его. На глазах у мистера Халкиса показались слезы: к старости он сделался сентиментальным.

От Вольфа разило водкой, весь воздух в курилке был пропитан перегаром, но мистер Халкис стоял далеко и не чувствовал этого.

Тем временем к трапу вышли старший механик и старпом. Они увидели хозяина с капитаном, а потом картину "Вольф на привале" — и обомлели. Молчание длилось долго.

— Я хочу, — наконец сказал мистер Халкис, — чтобы этот хороший матрос был вознагражден. Пусть он получит бонус в пятьдесят... нет, сто долларов.

Стармех и старпом не слышали объяснения капитана. Представьте себе их удивление, когда на их глазах хозяин приказал дать бонус пьянице, который спит прямо в курилке! Это не говоря о том, что бонус в компании выплачивался вообще впервые. Сказав добрые слова матросу, мистер Халкис прошел в надстройку и не видел, как через две минуты чертыхающиеся матросы тащили в каюту бесчувственное тело Вольфа.

Новость о том, что Вольф получил бонус, в мгновение ока разлетелась по всему судну. Люди охали, качали головами. Лишь сам виновник торжества лежал в каюте, уподобившись бревну, и ничего не знал.

В основном, общественное мнение было против Вольфа. Таков уж наш народ. Если бы матроса оштрафовали и списали, ему бы искренне сочувствовали. Ну а если человек вывернулся, да еще так успешно, тут уж придется ему испытать всю меру человеческой зависти. Матросы, тащившие Вольфа, стояли в коридоре и перемывали своему собрату косточки, вкладывая в слова хорошую порцию желчи, накопившейся за долгий рейс.

— Нечего мне делать — этого чурбана в каюту таскать, — зло сплевывал один.

— Слушай, Митя, когда Халкис плакать начал, я думал, он подойдет и расцелует Вольфа, — смеялся второй.

— И перстень с брюликом с пальца снимет, — вторил ему третий.

И так далее и тому подобное.

Не день и не два еще гудел народ, вспоминая случившееся. Но самое интересное случилось через два дня. Перед отходом на судно снова приехал хозяин. Он поднялся, прошел к капитану. Через некоторое время позвали и Вольфа. Когда тот вошел и улыбнулся своей широкой подкупающей улыбкой, хозяин встал со стула и протянул матросу маленькую коробочку.

Вольф осторожно развернул... в коробке были часы. Обыкновенные часы за тридцать долларов, но для Вольфа это было, как если бы его наградили именным оружием в бою.

— Ну, Бизонов, скажешь спасибо Маниту, — хлопнул Вольфа по плечу Петрович, когда хозяин уехал.

Вольф с недоумением посмотрел на старпома, но ничего не спросил.

Тем не менее, человек он был дотошный, и начал наводить справки. Вскоре я обратил внимание, что он подходит то к одному, то к другому члену экипажа, что-то спрашивает, а человек потом начинает чесать затылок и разводить руками. Загадка открылась на третий день, когда Вольф подошел ко мне и, глядя своими чистыми голубыми глазами, спросил:

— Алексей, а кто такой Чингачгук?

Ну что можно объяснить такому человеку? Я ответил, что индеец, но матросу легче от моего ответа не стало.

Через три месяца Вольф списался. Я слышал, он нашел себе какое-то дело на берегу и больше не плавает. Кроме того, люди, видевшие Вольфа, утверждают, что он выгравировал на часах какую-то хвалебную надпись на греческом и показывает у себя в деревне каждому встречному. Что ж, думаю, это правда.

